

тьянина и предоставляла последнему значительную свободу в распоряжении своим держанием. Крестьянин мог продавать, дарить, закладывать свою цензиву, но при одном обязательном условии: все эти операции не должны были уменьшать размер ренты, получаемой феодальным собственником.

Отмечая ограниченность крестьянских владельческих прав, следует, вместе с тем, подчеркнуть их постоянство и неуничтожимость: французский феодал не обладал правом согнать с земли даже лично зависимого от него крестьянина. Более того, феодал был объективно заинтересован в расширении и укреплении владельческих прав крестьян, ибо в этом заключалась перспектива увеличения рентных поступлений. В повышении юридического статуса крестьянских земельных держаний состоял интерес и королевской власти: начиная с XV в. Франция переходила к системе постоянных налогов, а они, как известно, могли взиматься только с объектов собственности. Поэтому в юридической теории появился постулат о том, что крестьянская цензива является почти полной собственностью и потому должна облагаться налогами (в частности, тальей). Действие отмеченных тенденций, разумеется, не означало исчезновения существенных различий между юридическим статусом феодального землевладения (в форме собственности) и крестьянского земельного держания (в форме цензивы): вплоть до революции 1789—1794 гг. эти различия оставались принципиальными.

На заключительных этапах абсолютизма фактически завершился процесс захвата феодалами общинных земель. Обычное право издавна разрешало сеньорам требовать выделения в свою пользу части общинных угодий (обычно одной трети); остальные угодья (леса, выпасы для скота и др.) должны были оставаться в бесплатном пользовании сельской общины. Эдикты Людовика XIV о так называемом «триаже», изданные в 1769—1781 гг., установили обязательный раздел общинных угодий в ряде округов при условии внесения феодалами определенной платы в казну (обычно одной шестой стоимости изъятой у общины земли); на остальной территории королевства решение этого вопроса передавалось на усмотрение самих общин. В ходе реализации указанных эдиктов в пользу феодалов было отрезано до двух третей бывших общинных земель. К началу буржуаз-